

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

DOI 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-6-17

УДК 39: 930.85

Сергей Васильевич Березницкий

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6235-5542
E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

Этнографический музей как жилище: комплементарность объектов и новая материальность нанайской культуры

АННОТАЦИЯ. Анализ культуры амурских нанайцев показал их особое отношение к этнографическому музею, сущность и пространство которого соотносятся с традиционным жилищем. В результате изменяющейся материальности в современных нанайских домах уже нет прежнего деления жилого пространства на сакральные и профанные зоны, на мужскую, женскую, детскую, гостевую. Остались в прошлом такие традиционные архитектурные формы, как считавшиеся священными опорные столбы, с которыми были связаны представления о стратификации миров вселенной, о хозяевах-охранителях жилища. У людей остается все меньше возможностей и условий для проведения умиловительных ритуалов священному охранителю дома. Один из амурских нанайцев решил эту проблему, перенес сакральное и бытовое пространства традиционного жилища в районный этнографический музей. Нанайский мастер создал этнографическую экспозицию районного музея, представив в нем антураж традиционного нанайского жилища (в том числе культовую скульптуру, изображающую домашнего охранителя) и превратив тем самым музей в дом. Актуальным представляется исследование комплементарности объектов «жилой дом» — «нежилой музей». Комплементарность — сложный механизм формирования, развития и взаимодополнения феноменов культуры, социокультурных институтов, ценностей, составляющих определенную целостность (в данном случае в качестве таковой выступает культура амурских нанайцев). Она способствует взаимному структурному соответствию явлений культуры, обеспечивает их оптимальное взаимодействие и понимается в статье как соответствие, пространственная взаимодополняемость, непротиворечивость.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этнографический музей, нанайское жилище, комплементарность объектов

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Березницкий С. В. Этнографический музей как жилище: комплементарность объектов и новая материальность нанайской культуры. *Кунсткамера*. 2023. 2(20): 6–17. doi 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-6-17

MUSEUM STUDIES

Sergey Bereznitsky

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6235-5542
E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

The Ethnographic Museum as a Dwelling: Complementarity of Objects and the New Materiality of Nanai Culture

ABSTRACT. The analysis of the Amur Nanais culture reveals a special attitude to the ethnographic museum, the essence and space of which are correlated with traditional dwelling. As a result of changing materiality in modern Nanai houses, there is no longer the former division of living space into sacred and profane zones, into male, female, child, guest locations. The traditional architectural forms in the shape of supporting pillars, which mythology was associated with the masters-guardians of the dwelling, remained in the past. People have less opportunities and conditions for holding propitiatory rituals for the sacred guardian of the house. One of the Amur Nanais solved this problem by transferring the sacred and domestic space of the traditional dwelling to the regional ethnographic museum. The Nanais master created an ethnographic exhibition at the regional museum by presenting in it the setting of the traditional Nanais dwelling, including the iconic sculpture of the guardian of the house, thus turning the museum into home. It seems relevant to investigate the complementarity of these objects: residential house — non-residential museum. Complementarity, from the Latin “complementum” — addition, is understood and used in the meaning of the principle of mutual correspondence, spatial complementarity, consistency. Complementarity is a complex mechanism of formation, development and complementarity of cultural phenomena, socio-cultural institutions, values within a certain integrity. In this case, the integrity of the Amur Nanais culture is considered. Complementarity promotes mutual structural conformity of phenomena of a culture and ensures their optimum interaction.

KEY WORDS: ethnographic museum, Nanais dwelling, complementarity of objects

FOR CITATION: Bereznitsky S. The Ethnographic Museum as a Dwelling: Complementarity of Objects and the New Materiality of Nanai Culture. *Kunstkamera*. 2023. 2(20): 6–17. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-6-17

Музей, собирающий, хранящий, исследующий и экспонирующий коллекции, не является застывшей формой, он развивается и изменяется, как и любой другой культурный институт. Хронотоп музея амбивалентен, это учреждение необходимо не только для исследования прошлого, но и для проецирования культурного наследия в будущее. Мир музея постоянно пополняется новыми экспонатами, а их роль в обществе определяется концепциями музееведов, этнографов, антропологов, философов, искусствоведов, историков, культурологов. Музеи отличаются друг от друга временем возникновения, этнокультурными характеристиками, объемом экспонатов. Музей может считаться храмом или, наоборот, храм может стать музеем (Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге), институтом публичного просвещения (Кунсткамера) или выработки эстетического вкуса (Государственный Эрмитаж), местом развлечения и релаксации. Музей хранит и демонстрирует не простые культурные объекты, а эталонные — те, которые выдержали проверку временем. Хранение культурного наследия должно быть актуально для общества, в котором функционирует музей (Менш 2014: 133).

В июне 2021 г. проводился сбор этнографических материалов у амурских нанайцев в п. Троицкое Нанайского района Хабаровского края. Анализ этих материалов позволил добавить к перечисленным выше взглядам на музей еще один — уникальное мнение и результаты созидательной деятельности Константина Мактовича Бельды (1934 г. р.), для которого местный этнографический музей¹ (рис. 1, см. вклейку) является в первую очередь не специализированным культурным учреждением, а жилым традиционным домом. Такой вывод К. М. Бельды сделал на основе осмысления сущности и функций экспозиций музея, иллюстрирующих традиционное нанайское жилище с его особой планировкой, выделением сакральной и профанной частей, культовой скульптурой, утварью, другими компонентами.

Дом как универсальное явление культуры обладает антропологической и этнической спецификой, занимает приоритетное положение в менталитете и быте, является смыслом существования. Дом — это созданное руками человека убежище, область независимости и неприкосновенности, место для очага и размещения членов семьи, для сохранения традиций и обычаев. Считается, что генезис дома как социокультурного института относится к палеолиту, окончательно закрепляется этот феномен в неолите на базе освоения человеком ландшафта, пространства, локализации хозяйства, одомашнивания животных (Непомнящий 2001: 126; Лелеко 2002: 190–197; Разова 2004; Байбурин 2005: 9–13; Мороз, Рымарович 2014: 59–60; Козырьков 2010: 20–26).

Традиционное нанайское жилище представляло собой не просто сооружение для защиты людей от холода или зноя, снега или дождя, для приготовления пищи, занятий ремеслами, отдыха и т. п. Практически любое жилое помещение и хозяйственные сооружения строились коллективными усилиями рода, стойбища, группы родственников. Расположение будущего жилища предварительно тщательно выбирали в соответствии с розой ветров и сторонами горизонта, близостью к реке и тайге, к сакральным ландшафтам, кладбищу и другим важным локациям. Обязательно проверяли, не находилось ли раньше на этом месте лагерное кладбище, на котором хоронили умерших и погибших заключенных с нарушением всех общечеловеческих, религиозных обычаев; стойбище, жильцы которого вымерли от эпидемии, покинули его в результате нападения врагов, воздействия вредоносных существ или других негативных причин. Подобные заброшенные поселения назывались *сусу*. Они пользовались дурной славой, охотники и рыболовы старались обходить их стороной. При строительстве соблюдались охранительные и умиловительные ритуалы по отношению к хозяевам местности, духам предков. Чаще всего вход в жилище располагался на юго-востоке, был обращен к реке.

¹ МБУК «Краеведческий музей Нанайского муниципального района Хабаровского края» основан в 1975 г. и расположен в районном центре пгт Троицкое. Экспозиция включает в себя археологические коллекции, анализ которых однозначно указывает на происхождение нанайцев от чжурчженей. Здесь представлены разделы с орудиями труда, охоты, рыболовства; экспонаты, связанные с другими традиционными занятиями нанайцев, с комплексами одежды и обуви, кухонной утварью, системой отопления жилища. Подробно представлен также уголок традиционного нанайского жилища с культовой скульптурой, сделанной руками К. М. Бельды.

Внутреннее пространство традиционного нанайского жилища строго поделено по вертикали и горизонтали. Вертикальная тройственная стратификация мира (небесный, земной, подземный) изображалась особыми прорезями на главных опорных столбах, горизонтальная была связана с мужским и женским мирами, хозяйственными локусами, расположением культовой скульптуры. В сакральной сфере внутреннего домашнего пространства происходила коммуникация с высшими существами, хранителями жизни и жилища (Лопатин 1922: 79–83, 154–155; Штернберг 1933: 475–477; Смоляк 1976: 139; Иващенко 2006: 131–140; 2010: 79–86).

При создании культовой скульптуры и сакральных элементов жилища нанайцы учитывали не только природные качества древесины, но и комплекс верований, связанных с конкретными породами деревьев. Например, из кедра и березы запрещалось изготавливать расположенные близ стойбища ритуальные столбы, возле которых нанайцы совершали коллективные моления верхним духам. Подобный запрет соблюдался и при изготовлении шаманских столбов. Точные причины табу до сих пор не раскрыты полностью (Смоляк 1976: 138). У Л. Я. Штернберга имеется упоминание о том, что нанайский род Заксор ведет свое происхождение от березы (Штернберг 1933: 492). Обод шаманского бубна изготавливали из деревьев, отличающихся гибкостью (например, из ивы), скульптуру, изображавшую умершего человека, — из дуба, который не трескается при высушивании. Скульптуру для внедрения в нее духов болезней вырезали из мягкой осины, так как ее уничтожали или выбрасывали сразу же после завершения лечебных ритуалов.

Духа-охранителя нанайского жилища, семейного счастья и благополучия, подателя промысловой удачи *дюлина* чаще всего изготавливали из лиственницы, которая отличается особой прочностью, необходимой для длительного существования изваяния, передававшегося из поколения в поколение младшему сыну в семье (Смоляк 1976: 138). По данным Ю. А. Сема нанайцы изготавливали *дюлинов* из лиственницы или осины, а береза и кедр были табуированными породами, так как считались тотемами многих нанайских родов (Сем 1992: 21–22).

Имеется и другой вариант: нанайцы из рода Гейкер считают, что их род произошел от ясеня¹. Поэтому именно из ясеня мастера вырезали фигуру нового *дюлина* для отделяющегося от родителей сына. Нужное дерево находили в лесу с помощью шамана, который камлал, внедряя в *дюлина* жизнь и силу. В этот момент происходила сложная ментальная метаморфоза, и фигура духа из белой становилась черной. Это означало, что *дюлин* стал настоящим *сэвэном*, вместилищем силы, энергии, а не просто деревянной скульптурой. Нередко мастер коптил скульптуру в дыму костра или факела, окрашивал растительной краской, замешанной на саже.

В 1998 г. нам удалось стать свидетелями обряда угощения духа-покровителя дома и охранителя очага *дюлина* у нижнехалбинских нанайцев. По словам хозяина дома В. И. Гейкера, их домашнему охранителю насчитывалось тогда более ста лет. От частого обращения древесина стала черной, лощеной. Охранителя угощали черной смородиной, рисовой кашей с черемухой, головой летней кеты, жареной кетой и сазаном, соленой черемшой, водкой, окуривали дымом багульника, просили дать счастье и здоровье домочадцам (Березницкий 2000: 23–32).

Практически всегда *дюлина* изготавливали в виде антропоморфной фигуры высотой от 20 см до 1,5 м. Голову делали острой, овальной или цилиндрической формы, в качестве глаз использовали бусины, на туловище в области живота неглубокими царапинами изображали руки с растопыренными пальцами. На животе также вырезали изображение лягушки (Сем 1992: 21–22). Синие

¹ С этим деревом связана у нанайцев также мифология медвежьего праздника. На сучок ясеня вешали череп съеденного на родовом ритуале священного медведя. Практически все территориальные группы нанайцев не выращивали медведя для праздника в специальном срубе (как ульчи, орочи, нивхи, ороки/ульта), а добывали на охоте в тайге. Там же разделяли тушу и приносили в стойбище голову и мясо. Голову медведя целиком варили в большом китайском котле. На трапезу приглашали много гостей — сородичей и иноплеменников. Наиболее уважаемых гостей угощали кусочком мяса с головы зверя. Хозяин медвежьего пира делал небольшой надрез на ухе черной лохматой собаки *луку*, из раны выдавливали несколько капель крови на заранее приготовленные стружки из калины или черемухи, затем эти стружки засовывали в пустой череп медведя вместо съеденного на празднике мозга. У медведя — священного прародителя — просили прощения за то, что убили его, обращались к нему с просьбами об удаче на промысле, в жизни, о здоровье. Затем голову вешали на сучок ясеня, совершая тем самым ритуальное возвращение зверя в тайгу, в родную природу.

и зеленые бусины-глаза стали вставлять лишь в XIX в., прежде глаза *дюлину* просверливали, а рот прорезали. Ноги вырезали массивными, толстыми, согнутыми в коленях, с заметными, хорошо выделенными ступнями.

Дюлин обладает сложной ментальной, магической сущностью, имеет множество функций. Несмотря на то что *дюлин* считается исключительно мужским духом-охранителем, у него имеются внешние женские признаки: в области груди процарапывали штрихами или вырезали объемные молочные железы. Даже если в жилище находилось два *дюлина* — мужской и женский, — оба изготавливались с такой грудью (Штернберг 1933: 475; Березницкий 2000: 23–31; Зенкова 2004: 62–65; Иващенко 2006: 135–136; Сем 2012: 409–413). Имеются легенды о том, как *дюлин* вскармливал грудного ребенка-сироту¹, воспитывал его до наступления совершеннолетия, подсказывал место хранения отцовского оружия, дорогу в стойбище врагов, способы отмщения за гибель родителей, причем во время такого поединка-возмездия *дюлин* мог прийти на помощь сироте, приняв зооморфный облик (Сем 1992: 21–22).

Некоторые исследователи нанайской ритуальной скульптуры, рассматривая образцы, хранящиеся в домашних коллекциях и в ряде российских музеев, отмечают интересный компонент технологии: по их мнению, каждый *дюлин* изготавливался с отличительными антропологическими характеристиками конкретного умершего предка (Кубанова 1992: 73–79; Сем 2012: 410).

По мировоззренческому канону деревянная фигура *дюлина* всегда находилась напротив входа в глубине помещения, в его левом углу, на канах². Это самое лучшее, удаленное от внешнего мира, обыденных хозяйских дел место.

Дюлин занимает важное место в нанайской космологии, в шаманстве, при лечении людей, защите их от злых духов. Так, например, нанайцы обращались за помощью к *дюлину* при лечении ревматизма и радикулита, при сильной боли в пояснице. Шаман производил камлание, выносил скульптуру *дюлина* на улицу, закапывал ее по пояс в землю и оставлял там до выздоровления больного (Сем 1992: 21–22).

По представлениям нанайцев окружающий мир состоит из трех ярусов: небесного — с высшими существами, дающими жизнь людям, хозяевами природы; земного — в нем живут люди и охранитель жилища *дюлин*; подземного — он населен хтоническими существами. *Дюлин* как охранитель и покровитель дома, семьи, рода связан с культом предков (Штернберг 1933: 475). Иногда нанайцы прямо называли *дюлина* духом предков (Смоляк 1991: 17, 30–31). Шаман мог увидеть во сне образ реального или фантастического животного, существа, *дюлина*, изготовление деревянной фигуры которого он поручал мастеру (Смоляк 1991: 70).

Шаманские ритуалы совершались возле столбов с вырезанными на них изображениями драконов, змей с лапами, черепах, ящериц, лягушек. У подножия главного столба такого комплекса закапывали нижней частью в землю деревянную фигурку *дюлина* (Смоляк 1991: 164, 248). *Дюлины* помогали шаману даже в самом сложном ритуале отправления души умершего человека в загробный мир (Смоляк 1991: 269).

Кроме шаманов, в традиционной духовной культуре нанайцев существовала особая категория *тудинов*, которые нередко обладали даже большей шаманской силой, но шаманами не считались, а были лишь певцами, сказителями, предсказателями будущих событий. У них имелись священные столбы, на которых находились скульптурные изображения кукушек, подсказывающих правильные решения и дающих советы. У оснований столбов устанавливали скульптуру *дюлина* (Смоляк 1991: 48).

¹ По поводу описанного ритуала вскармливания К. М. Бельды высказал интересную мысль, объясняющую в частности нежелание современной нанайской молодежи учить родной язык, который, по мнению К. М. Бельды, входит в сознание человека с молоком матери: все дети сейчас растут на искусственном питании, более того — на импортном искусственном питании.

² Каны — распространенная ранее в бассейнах Амура и Сунгари специфическая система отопления жилых домов. Она состояла из одного или нескольких очагов, от которых отходили по периметру жилища горизонтальные дымоходы, сделанные из плоских каменных плит, обмазанных глиной и покрытых растительными циновками, шкурами животных, матерчатыми коврами с орнаментом и т. п. Дым проходил по этим дымоходам во внешнюю высокую трубу из дуплистого дерева. Каны не только отапливали помещение — на них спали, отдыхали, занимались различными домашними работами.

К фигурам духов-хранителей семьи, дома *дюлинам* нанайцы обращались с просьбами о промысловой удаче во время ежегодных молений небу перед началом рыболовного или охотничьего сезона (особенно перед началом охоты на соболя). Их кормили приготовленными на огне или вялеными мясом и рыбой, мучными лепешками, обильно благодарили пищей также за представленный охотничий фарт. Дополнительного исследования требуют сведения об угощении *дюлина* свежей кровью промысловых животных. Некоторые информанты убеждены, что в таком случае вредоносная сущность охранителя может победить позитивную, связанную с добром.

Соболиный промысел играл важную роль во всей системе жизнедеятельности нанайцев: в хозяйстве, экономике, обменных процессах, социальной организации. С ним связаны определение права собственности на так называемые соболиные речки (территории пушной охоты), комплекс верований и ритуалов (Березницкий 1998: 23–31). Перед выходом на добычу соболя нанайцы проделывали специальные ритуальные действия. Глава семьи забирал *дюлина* из *малу* (пространство за очагом напротив входа, почетное место в доме) и переносил на каны. Скульптуру (и духа) угощали кашами из красного и белого гороха, из чумизы, чашечкой водки, окуривали дымом багульника. Все присутствующие при ритуале вслед за главой дома повторяли слова умиловительной молитвы. Люди обращались к духу-покровителю дома, просили охотничьего фарта, семейного счастья, здоровья (Сем 1992: 21–22). После кормления духа члены семьи также ели жертвенные продукты, однако в этой трапезе не участвовали сестры, замужние дочери, матери, братья и сестры матери — то есть все, принадлежавшие к другому роду, у которого свой дух-охранитель. После того как все охотники отправлялись на соболиный промысел, *дюлина* возвращали на его сакральное место (Шимкевич 1896: 56).

Дюлин мог воплощаться в образе родственников, которые во сне подсказывали охотнику точные места нахождения промысловых животных. Фигурка самого духа-охранителя также принимала активное участие в промысле, о чем свидетельствовала протертая до дыр обувь, в которой он «ходил» по звериным тропам, загонял животных в петли и капканы. Эту обувь надевали на ноги *дюлину* перед отправлением охотников в тайгу (Смоляк 1991: 81; Сем 1992: 21–22). Затем по степени ее изношенности судили о реальной помощи духа и благодарили его.

Дюлин играл важную роль в ритуалах жизненного цикла. Центральным компонентом свадьбы считался переход девушки в другой род и ее переезд в дом жениха. Во время свадебного ритуала нанайцы угощали два главных опорных столба традиционного жилища, которые считались местом жительства духа-охранителя *дюлина*. Нанайская невеста перед окончательным уходом из родного дома в род жениха в последний раз угощала фигуру *дюлина* (Смоляк 1980: 65–66, 72). Привезенная на лодке или собачьей упряжке в дом жениха невеста становилась на колени перед входом. Родители жениха и сородичи совершали моление духу-покровителю жилища, находящемуся в столбе *гуси*, хозяйке огня, очага, а также сделанному для такого случая *дюлину*, который устанавливался в самом почетном, сакральном месте (*малу*). Духов угощали водкой, едой и т. п. (Шимкевич 1897: 12; Лопатин 1922: 154–155). Затем невеста входила в жилище, где начинался продолжительный свадебный пир.

Главный опорный столб традиционного нанайского жилища *гуси тора* связан не только с охранительной функцией, но и с магией деторождения. Бездетная женщина обращалась за помощью к душам своих умерших дядьев — братьев ее матери, локализованных в столбе *гуси тора*. В ответ на ее умиловительную молитву души умерших должны были помочь справиться с проблемой (Липский 1956: 76; Иванов 1976: 162–163). В столбе *гуси* обитают мужские духи, олицетворяющие собой предков — братьев матери, в столбе *бакса* у очага — женские, связанные с женой брата матери (Иванов 1954: 86; Сем 1973: 44; Сем 2012: 414). Таким образом, эти столбы делили внутреннее пространство жилища на мужскую и женскую локацию.

После смерти хозяина дома дух-охранитель *дюлин* должен был перейти к сыну. Чтобы он не последовал за старым хозяином в загробный мир, во время погребального ритуала фигуре крепко связывали ноги (Смоляк 1991: 82).

В с. Сикачи-Алян в землянке неолитического времени была найдена каменная скульптура *дюлина* (Сем 1992: 21–22). Имеются фольклорные материалы о *дюлине*, изготовленном из мрамора, образ этого духа-охранителя был связан с петроглифами Сикачи-Альяна, со многими элементами нанайской мифологии, космологии, шаманством (Сем 2012: 410–411). Таким образом, описанный культ насчитывает несколько тысяч лет.

В целом *дюлин* следил за живущими в помещении людьми и мог наказать их за нарушение запретов или родовых обычаев тем, что разрешал злым духам приносить болезни и даже смерть. Фигура *дюлина*, которая активно использовалась в шаманских лечебных ритуалах и напитывалась вредоносной, болезнетворной магической энергией, представляла собой угрозу для простых людей. Если *дюлин* не выполнял просьб людей и плохо помогал им в бедах, то его могли выбросить и сделать новую скульптуру (Сем 1992: 21–22). Если по каким-то причинам скульптура оставалась без хозяина и не могла перейти ни к кому по наследству, то односельчане старались избавиться от нее, поместив на чердак дома. Некоторые нанайцы находили выход в том, что отдавали такую культовую скульптуру в местные музеи.

В 2021 г. К. М. Бельды указывал на функциональное значение *дюлина* как в первую очередь охранителя не только жилища конкретного человека, своей семьи, но и всех нанайцев, проживающих в п. Троицкое. К. М. Бельды согласился побеседовать с нами о нанайской культуре, но с условием, что встреча состоится в районном этнографическом музее.

Перед беседой Константин Мактович провел умиловительный ритуал угощения *дюлина*. Эту культовую скульптуру К. М. Бельды вырезал из лиственницы в 1996–1998 гг. и поставил в сакральное место *малу* в созданной им же экспозиции традиционного нанайского дома с необходимой обстановкой, очагом, деревянной, керамической, берестяной, плетеной из ивы посудой, утварью, коврами и т. п.

В начале ритуала К. М. Бельды перенес скульптуру *дюлина* из угла музейной экспозиции традиционного нанайского жилища на более просторное место и возле ног *дюлина* поставил несколько тарелочек с угощениями — *бода* (жидкий рисовый суп), похлебка, — здесь же положил мучную лепешку. Дары были также разложены в небольшие чашки и расставлены перед изваянием на столике. Стоя на коленях перед *дюлином*, Константин Мактович совершил три земных поклона, произнес умиловительную речь на нанайском языке, в которой поблагодарил духа-охранителя за помощь, попросил здоровья для всего рода, удачи в хороших делах. Затем смазал водкой губы не только *дюлину* (рис. 2, см. вклейку), но и этнографам, сотрудникам музея — чтобы магическая сила охранителя распространилась и на них. Обмакнув пальцы в рюмку с водкой, побрызгал каплями на две стороны горизонта (восход и закат) и — еще раз — через левое плечо, чтобы ушли все болезни (рис. 1).

После окончания ритуала Константин Мактович вернул *дюлина* на место и рассказал о сути своего обращения к нему:

...мы, нанайцы, испокон веков живем здесь, на нашей земле, на своей исторической родине. Сегодня я пришел не в музей, а в свой дом. Это для вас все эти вещи — музей, экспозиция, а для меня все это помещение — нанайский дом, ведь я его сделал своими руками. Вот, перед входом в музей стоит скульптурная группа *калгам*. Я их вырезал около тридцати лет назад из осины. *Калгама* является подателем промыслового форта, помогает нанайцам охотиться и ловить рыбу, в целом оберегает семейное счастье, очаг, домашнюю жизнь. Он выполняет функцию внешнего охранителя дома, а *дюлин* — внутренний охранитель. Осину выбрал, потому что это хорошее, теплое дерево. Такого тепла нет у дуба, березы и лиственницы, то есть у крепких пород. Самое главное в технологии изготовления скульптуры — хорошо высушить древесину, и она станет крепкой, как железо. Внутри музея, на экспозиции «Охотник», одежда моего отца. Но это дом не только для меня, но и для всех нанайцев поселка. А *дюлин* — хранитель этого дома. Я его угостил и попросил, чтобы он дал здоровье нанайцам, сотрудникам музея, ну и вам, конечно, нашим гостям, чтобы и вы тоже прикоснулись к этому ритуалу, когда я смочил водкой кому губы, а кому нос — как непьющему человеку. Я сделал все точно так, как делали мои предки.

Рис. 1. Амурский нанай К. М. Бельды совершает умиловительный ритуал перед охранителем дома *дюлином*. Этнографический музей пгт Троицкое. Нанайский район, Хабаровский край. Фото С. В. Березницкого, июнь 2021 г.

Fig. 1. Amur Nanai K. M. Bel'dy performs a propitious ritual in front the guardian of the house of *Dulin*. Photo by S. V. Bereznitsky, June 2021

К. М. Бельды специально акцентировал в своем рассказе необходимость сохранения правильных традиционных ритуалов, а далее стал эмоционально критиковать своих сородичей, особенно сотрудниц современных культурных учреждений и этнокультурных центров. По его мнению, они в последние годы выдумали много нехарактерных для традиционной нанайской культуры обрядов. В частности, 12 июня в селе проводился праздник День России, на котором активистки в нанайских халатах устраивали «магический» проход-коридор для очищения гостей ветками ивы. Подано это было как этническая экзотика для приехавших в село краевых чиновников. С этой же целью сооружали *хуморан*, который ошибочно называли традиционным нанайским летним жилищем: на самом деле это не жилище, а временная промысловая постройка для защиты охотника или рыбака от дождя, комаров и т. п., в ней же можно устроить засаду на зверя. Этот шалаш делается на скорую руку в виде полусферы из гибких стеблей кустарников, молодых деревьев, накрывается сверху травой. Настоящее жилище нанайцы всегда строили не из толстых стволов деревьев, чтобы не уничтожать лес, а из тонких жердей, камыша, глины и соломы, как научили их мудрые предки. Ведь для нанайцев природа — это всё: еда, одежда, жилища.

Таким образом, К. М. Бельды воспроизвел в этнографическом музее антураж традиционного нанайского жилища, разделенного на жилую зону, сакральное пространство с представленной в нем культовой скульптурой домашнего охранителя. Термин «антураж» (фр. *entourage*) в данном случае используется в значении «окружающая человека среда», «обстановка», «условия деятельности». Сущность антуража связана со степенью взаимодействия жилого пространства со средой, в которой оно находится.

Экспозицию «Природа» в этом музее также создавал К. М. Бельды (совместно с В. П. Бельды из с. Джари — мастером по изготовлению нанайских музыкальных инструментов). Многие экспонаты здесь знаковые, особенные. Например, чучело тигра сделано из тигра, который убил человека. Нанайские охотники взяли у властей специальное разрешение на отстрел зверя-людоеда, пошли по следу тигра, выследили, настигли и убили. Огромную калугу, чучело которой тоже представлено в экспозиции, поймал русский рыбак С. П. Сысоев в Ульчском районе.

Специфическое видение музейного мира К. М. Бельды связано с его консервативными взглядами и желанием никогда не менять постоянные экспозиции. По его мнению, это необходимо, чтобы не пропало желание возвращаться в такое комфортабельное и ментально насыщенное место, где уже давно все известно, привычно и знакомо, оптимально устроено для удовлетворения духовных потребностей. Именно здесь К. М. Бельды, по его словам, чувствует себя как в своем родном доме, многие вещи (в том числе культовая скульптура), обстановка, мебель здесь сделаны его руками, на постоянной экспозиции находится охотничий костюм его отца (рис. 2). Перед нами практически полный комплементарный набор вещей, параллельно характеризующий музей и жилище: обстановка, одежда, культовая скульптура.

В музее сохраняется и экспонируется не только комплекс предметов, но и компоненты историко-культурной среды нанайцев, предметы, связанные с их мировоззрением, с различными традиционными технологиями. В особом коммуникационном пространстве музея К. М. Бельды как создатель постоянной экспозиции стал важным связующим звеном между музейным и нанайским

Рис. 2. Амурский нанайец К. М. Бельды перед экспозицией с охотничьим костюмом и инвентарем своего отца. Этнографический музей пгт Троицкое. Нанайский район, Хабаровский край. Фото С. В. Березницкого, июнь 2021 г.

Fig. 2. Amur Nanai K. M. Bel'dy before the exhibition with hunting costume and inventory of his father. Ethnographic Museum of the village of Troitskoe. Nanai district, Khabarovsk Krai. Photo by S. V. Bereznitsky, June 2021

миром, которые в соответствии с принципом комплементарности вступают в сложные двусторонние отношения. В результате возникает новый культурный феномен, новая материальность. Коллекция этнографических предметов одновременно является антуражем традиционного жилища. При этом здесь сохраняется сущность музея, бытового и сакрального пространства жилища. Этнографическая коллекция была создана как часть жилища и, находясь в стенах музея, стала обладать качествами самостоятельного явления. Теперь ее хронологические рамки уже не связаны со сроком жизни мастера. Она стала всеобщим достоянием, аккумулируя свои представления о мире у туристов и у нанайцев.

Феномен комплементарности можно считать одной из базовых характеристик культуры, в данном случае — нанайской. Комплементарность охватывает все уровни этнической культуры — от эмоционально-образного, символического понимания до ценностного и практически действенного. К. М. Бельды творчески спроецировал на основе комплементарного принципа один из важнейших компонентов традиционной культуры своего народа — мифологию пространства жилища — на музейное пространство. Амбивалентность культуры, взаимодополнительность кажущихся культурных различий привели к определенной этносоциальной целостности, дополнили и наполнили жилое и музейное бытие новыми парадигмами. В результате появилась реальная возможность полноценного общения с былым культурным наследием, с миром предков, необходимого для поддержки гармонии в душе, семье, обществе и природе. Принцип комплементарности приводит к равноценности индивидуального мира человека с общественным миром культурного учреждения. Феномен комплементарности как одна из важнейших доминант жизни нанайцев позволяет соединить их традиции и современность, стать основой новой материальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд., испр. М.: ЯСК, 2005.
- Березницкий С. В. Путем взаимовлияния. Промысловые культы амурских народов и их этнокультурные контакты // Россия и АТР. 1998. № 4. С. 23–31.
- Березницкий С. В. Семейная обрядность коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Россия и АТР. 2000. № 4. С. 23–32.
- Зенкова Е. Домашний дух-охранитель *дюлин* // Записки Гродековского музея. Вып. 8. Хабаровск: Гос. музей Дальнего Востока им. Н. И. Гродекова, 2004. С. 62–65.
- Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. (сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости). М.; Л.: АН СССР, 1954. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 22).
- Иванов С. В. Представления нанайцев о человеке и его жизненном цикле // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера второй половины XIX — начала XX века. Л.: Наука, 1976. С. 161–188.
- Иващенко Я. С. Семиотика структуры пространства традиционного нанайского жилища (горизонтальный план) // Вестник ДВО РАН. 2006. № 3. С. 131–140.
- Иващенко Я. С. Мифологическая интерпретация мира в устройстве традиционного нанайского жилища // Вестник ДВО РАН. 2010. № 2. С. 79–86.
- Козырьков В. П. Направления и формы доместикации современного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2010. № 1. С. 20–26.
- Кубанова Т. А. Ритуальная скульптура нанайцев (из собрания Музея советского изобразительного искусства). Каталог. Комсомольск-на-Амуре: Тип. АПО им. Гагарина, 1992.
- Лелеко В. Д. Пространство повседневности в современной культуре. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, 2002.
- Липский А. Н. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии // Краеведческий сборник. 1956. № 1. С. 9–92.
- Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток: Тип. Упр. вн. дел, 1922.
- Мени П. В. Этика и музеология // Вопросы музеологии. 2014. № 1 (9). С. 128–138.

Мороз В. В., Рымарович С. Н. Концепт «дом»: историко-философские и культурфилософские основания // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). С. 59–68.

Непомнящий В. С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М.: Сестричество во имя преподобной мученицы великой княгини Екатерины, 2001.

Разова Е. Л. Дом: место социального и культурного становления человека: дис. ... канд. филос. наук. СПб.: СПбГУ, 2004.

Сем Т. Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи): историко-этнографические очерки. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012.

Сем Ю. А. Нанайцы. Материальная культура. Вторая половина XIX — середина XX в. Владивосток: ДВФ СО АН СССР, 1973.

Сем Ю. А. Дюлин // Северные просторы. 1992. № 11–12. С. 21–22.

Смоляк А. В. Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера второй половины XIX — начала XX века. Л.: Наука, 1976. С. 129–160.

Смоляк А. В. Нанайцы // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. С. 61–69.

Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991.

Шимкевич П. П. Материалы для изучения шаманства у гольдов. Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1896. (Записки ПО ИРГО. Т. 2. Вып. 1).

Шимкевич П. П. Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия // Этнографическое обозрение. 1897. № 3. Кн. 34. С. 1–20.

Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы / Под ред. и с предисл. Я. П. Алькора (Кошкина). Хабаровск: Дальгиз, 1933.

REFERENCES

Baiburin A. K. *Zhilishche v obriadakh i predstavleniakh vostochnykh slavian* [The Dwelling in the Rites and Representations of the Eastern Slavs], 2nd ed. Moscow: YASK Publ., 2005. (In Russian)

Bereznitskii S. V. *Putem vzaimovliianiia. Promyslovye kul'ty amurskikh narodov i ikh etnokul'turnye kontakty* [By the Way of Mutual Influence. Fishing Cults of the Amur Peoples and Their Ethnocultural Contacts]. *Russia and the ATR*, 1998, no. 4, pp. 23–31. (In Russian)

Bereznitskii S. V. *Semeinaia obriadnost' korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina* [Family Rituals of the Indigenous Peoples of the Lower Amur and Sakhalin]. *Russia and the ATR*, 2000, no. 4, pp. 23–32. (In Russian)

Ivanov S. V. *Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX — nachala XX veka: siuzhetnyi risunok i drugie vidy izobrazhenii na ploskosti* [Materials on the Fine Arts of the Peoples of Siberia of the 19th — early 20th Century: Plot Drawing and Other Types of Images on the Plane]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1954. (In Russian)

Ivanov S. V. *Predstavleniia nanaitsev o cheloveke i ego zhiznennom tsikle* [The Nanai People's Views on Man and His Life Cycle]. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniakh narodov Sibiri i Severa vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka*. [Nature and Man in the Religious Beliefs of the Peoples of Siberia and the North in the Second Half of the 19th — early 20th Century]. Leningrad: Nauka Publ., 1976, pp. 161–188. (In Russian)

Ivashchenko Ya. S. *Semiotika struktury prostranstva traditsionnogo nanaiskogo zhilishcha (gorizontal'nyi plan)* [Semiotics of the Space Structure of the Traditional Nanai Dwelling (Horizontal Plan)]. *Vestnik DVO RAN*, 2006, no. 3, pp. 131–140. (In Russian)

Ivashchenko Ya. S. *Mifologicheskaiia interpretatsiia mira v ustroistve traditsionnogo nanaiskogo zhilishcha* [Mythological Interpretation of the World in the Structure of the Traditional Nanai Dwelling]. *Vestnik DVO RAN*, 2010, no. 2, pp. 79–86. (In Russian)

Kozyr'kov V. P. *Napravleniia i formy domestikatsii sovremennogo obshchestva* [Directions and Forms of Domestication of Modern Society]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. Seriya "Sotsial'nye nauki"*, 2010, no. 1, pp. 20–26. (In Russian)

Kubanova T. A. *Ritual'naia skul'ptura nanaitsev (iz sobraniia Muzeia sovetskogo izobrazitel'nogo iskusstva). Katalog* [Ritual Sculpture of Nanais (From the Collection of the Museum of Soviet Fine Arts). Catalogue]. Komsomolsk-on-Amur: Tipografia APO imeni Gagarina Publ., 1992. (In Russian)

- Leleko V. D. *Prostranstvo povsednevnosti v sovremennoi kul'ture* [The Space of Everyday Life in Modern Culture]. St. Petersburg: Saint Petersburg State Institute of Culture and Arts Publ., 2002. (In Russian)
- Lipskii A. N. Nekotorye voprosy tashtytskoi kul'tury v svete sibirskoi etnografii [Some Issues of Tashtyk Culture in the Light of Siberian Ethnography]. *Kraevedcheskii sbornik*. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1956, no. 1, pp. 9–92. (In Russian)
- Lopatin I. A. *Gol'dy amurskie, ussuriiskie i sungariiskie* [The Amur, Ussuri and Sungarian Golds]. Vladivostok: Tipografia upravleniia vnutrennikh del Publ., 1922. (In Russian)
- Mensh P. V. *Etika i muzeologiya* [Ethics and Museology]. *Voprosy muzeologii*, 2014, no. 1 (9), pp. 128–138. (In Russian)
- Moroz V. V., Rymarovich S. N. Kontsept «dom»: istoriko-filosofskie i kul'turfilosofskie osnovaniia [The Concept of “Home”: Historical and Philosophical and Cultural Foundations]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2(30), pp. 59–68. (In Russian)
- Nepomnyashchii B. C. *Da vedaiut potomki pravoslavnykh. Pushkin. Rossiia. My* [Let the Descendants of the Orthodox Know. Pushkin. Russia. Us]. Moscow: Sestrichestvo vo imia prepodobnoi muchenitsy velikoi kniagini Ekateriny, 2001. (In Russian)
- Razova E. L. *Dom: mesto sotsial'nogo i kul'turnogo stanovleniia cheloveka. Dissertatsiia na soiskanie stepeni kandidata filosofskikh nauk* [Home: The Place of Social and Cultural Formation of Man. Candidate Dissertation of Philosophy]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2004. (In Russian)
- Sem T. Yu. *Kartina mira tungusov: panteon (semantika obrazov i ehtnokul'turnye sviazi): istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Picture of the Tungus World: Pantheon (Semantics of Images and Ethno-Cultural Relations): Historical and Ethnographic Essays.] St. Petersburg: Fakul'tet filologii SPbGU Publ., 2012. (In Russian)
- Sem Yu. A. *Nanaitsy. Material'naia kul'tura. Vtoraia polovina XIX — seredina XX veka* [Nanais. Material Culture. The Second Half of the 19th — mid-20th Century]. Vladivostok: Far East Department of the Siberian Branch of Academy of Sciences of USSR Publ., 1973. (In Russian)
- Sem Yu. A. Diulin [Dyulin]. *Severnye prostory*, 1992, no. 11–12, pp. 21–22. (In Russian)
- Shternberg L. Ya. *Giliaki, orochi, gol'dy, negidal'tsy, ainy. Stat'i i materialy* [Gilyaks, Orochis, Golds, Negidals, Ainus. Articles and Materials], ed. by Ya. P. Al'kor (Koshkin). Khabarovsk: Dal'giz Publ., 1933. (In Russian)
- Smoliak A. V. *Predstavleniia nanaitsev o mire* [The Nanais People's Ideas About the World]. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniakh narodov Sibiri i Severa vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka* [Nature and Man in Religious Notions of Siberian and Northern Peoples in the Second Half of the 19th — early 20th Century]. Leningrad: Nauka Publ., 1976, pp. 129–160. (In Russian)
- Smoliak A. V. *Nanaitsy* [The Nanais People]. *Semeinaia obriadnost' narodov Sibiri. Opyt sravnitel'nogo izucheniia* [Family Rituals of the Peoples of Siberia. Experience of Comparative Study]. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 61–69. (In Russian)
- Smoliak A. V. *Shaman: lichnost', funktsii, mirovozzrenie (Narody Nizhnego Amura)* [Shaman: Personality, Functions, World Outlook (The Peoples of the Lower Amur)]. Moscow: Nauka Publ., 1991. (In Russian)
- Zenkova E. F. *Domashnii dukh-okhranitel' diulin* [Home Spirit-Guardian of Dulins]. *Zapiski Grodekovskogo muzeia*. Khabarovsk: Gosudarstvennyi muzei Dal'nego Vostoka imeni N. I. Grodekova Publ., 2004, iss. 8, pp. 62–65. (In Russian)

Submitted: 03.02.2023

Accepted: 18.06.2023

Published: 10.07.2023

Рис. 1. Районный этнографический музей в пгт Троицкое (Нанайский район, Хабаровский край). Слева от входа культовая скульптура *калгамы*. Фото С. В. Березницкого, июнь 2021 г.

Fig. 1. District Ethnographic Museum, village of Troitskoie (Nanaiskii raion, Khabarovskii kraj). To the left of the entrance is a cult sculpture of *kalgama*. Photo by S. V. Bereznitsky, June 2021

Рис. 2. Амурский нанай К. М. Бельды угощает охранителя дома *дюлина*. Этнографический музей пгт Троицкое (Нанайский район, Хабаровский край). Фото С. В. Березницкого, июнь 2021 г.

Fig. 2. Amur Nanai K. M. Bel'dy treats the guardian of the house of *Dulin*. District Ethnographic Museum, village of Troitskoie (Nanaiskii raion, Khabarovskii kraj). Photo by S. V. Bereznitsky, June 2021